

Чу Чжичжи невольно сделала несколько быстрых шагов вперед, но тут же замерла.

Она схватила ту девушку, которая отчаянно сопротивлялась, пытаясь вытащить ее из беды. Но внезапно осознала: это всего лишь кино.

Настоящая Шан Сяосяо давно убежала, а она даже не знает, в какой комнате та живет. Даже если бы она захотела ее спасти, где искать человека?

К тому же, у нее появилось смутное предчувствие: уже поздно.

Чувство безнадежности и бессилия, словно ледяная ядовитая змея, свернулось кольцами в ее груди, вгрызаясь в самые внутренности и насмешливо шипя: Смотри, какая ты никчемная. Ты всегда была такой, и сейчас осталась такой же. Ты никого не можешь спасти, отброс.

Несколько человек, следовавших за ней на небольшом расстоянии, догнали ее. Заметив, что она побледнела, они окружили ее. Встретившись взглядом с обеспокоенными глазами Инь Чанхэ, она слабо улыбнулась и покачала головой, показывая, что с ней все в порядке.

Лу Юй шагнул вперед, пытаясь выяснить, что случилось, но она незаметно уклонилась. Она вдруг почувствовала такую усталость, что не хотела ни о чем говорить, ни к чему прикасаться.

Чу Чжичжи небрежно махнула рукой парням и, развернувшись, шаг за шагом направилась к общежитию для девушек. Две ее соседки по комнате с тревогой последовали за ней на небольшом расстоянии.

Чу Чжичжи знала, что они просто хотят дать ей побыть одной. Она была им благодарна, но также понимала: согласно привычному образу, который она поддерживала, сейчас ей следовало бы замедлить шаг, подождать их, пойти вместе, мягко улыбнуться, заверив, что ничего не случилось, а затем обменяться информацией. Так было бы правильнее всего, чтобы всем понравиться. Но она не хотела этого делать, не могла улыбнуться. Ей не хотелось быть с другими, она хотела просто побыть в тишине.

Совсем недавно она стала свидетельницей смерти девушки — возможно, не в буквальном смысле, ощущения были странными, но она была уверена: Шан Сяосяо больше нет.

Молодая, полная жизни душа, которая только что прыгала перед ней, так просто исчезла. Чу Чжичжи думала, что останется холодной. Она не впервые видела смерть, более того, немало людей погибло от ее собственных рук. Ее руки давно были в крови, она погрязла в грязи, и ей казалось, что она уже достаточно жестока и бесчувственна.

Но смерти бывают разными. Это был не какой-нибудь мусор, заслуживающий вечного гниения в восемнадцатом круге ада, это был хрупкий, цветущий, живой человек. Она еще не успела повзрослеть, не встретила свою любовь, не родила прекрасных детей, не успела прославить

своих родителей, не увидела этот опасный, манящий и многогранный мир, как уже навсегда растворилась в холодной черноте.

Вспоминая, как Шан Сяосяо старалась улыбнуться, чтобы утешить ее, и как слезы безостановочно катились по ее щекам, Чу Чжичжи подумала, что мир несправедлив. Даже такая прогнившая до костей, как она, все еще жива, почему же такая замечательная девушка ушла?

Ей стало невыносимо грустно.

Но здесь даже печаль — непозволительная роскошь. Вокруг нее постоянно проходили люди, чьи шаги были поспешны, никто не останавливался ни на миг, каждый жил в вечном страхе. Мир полон опасностей, одно неверное движение — и от тебя не останется даже костей. В таких условиях даже предаться скорби — несбыточная мечта.

Вечером трое вернулись в комнату, но Шан Сяосяо так и не пришла.

Когда белая воротничок зашла последней, Чу Чжичжи без колебаний задвинула засов. Она знала, что та больше не появится, поэтому нет смысла оставлять дверь открытой.

Она пошла умываться на балкон. Холодная вода стекала по пальцам, капля за каплей, словно сдерживаемые днем слезы, просачиваясь в самую душу.

Чу Чжичжи зачерпнула пригоршню воды и плеснула в лицо. Ледяная влага сбила неестественный жар. Она подняла голову и посмотрела на свое отражение в зеркале: капли воды стекали по лицу, по мокрой челке и вискам. Глаза покраснели, ее жалкий вид напоминал бездомную собаку, попавшую под дождь, чья белая шерсть свалялась от грязи.

На балконе она была одна. Белую плитку окрашивали зловещие красные отблески заката. Стоя в последних лучах солнца, она чувствовала себя так, словно оказалась в густом кровавом пруду.

Ночь — лучшее прикрытие, внезапно осознала она. Безопасное время скоро закончится. В ночи, после захода солнца, неизвестно сколько демонов и призраков выберется наружу, чтобы творить свои бесчинства.

Часы в спальне продолжали тикать, стрелки неумолимо ползли вверх.

Белая воротничок и молчаливая Хэ Синь все еще сидели, хмурясь над домашним заданием — неизвестно, когда им удастся покинуть эту школу, но проверять уроки будут скоро. Чтобы не разозлить учителя и не быть выгнанными из класса, им приходилось, стиснув зубы, учить

материал, который они давно забыли после выпуска.

Чу Чжичжи было куда легче: все знания были загружены ей в мозг системой совсем недавно, поэтому она ничего не забыла. Современные знания оказались здесь очень кстати, она быстро сверилась с учебником и легко справилась с заданием.

Закончив умываться, Чу Чжичжи прошла мимо тех двоих, что все еще сражались с уроками, и небрежно протянула им свою тетрадь, чтобы они могли списать — в конце концов, это задание нужно было лишь для отчета перед учителем, а не для сдачи экзаменов. Получив в ответ два благодарных взгляда, она с улыбкой покачала головой и напутствовала: Дopiшете — положите ко мне на стол, не потеряйте.

Обе энергично закивали, обещая беречь тетрадь, и только тогда она успокоилась, забралась на кровать и легла.

Хоть время еще было ранним, внизу делать было нечего, лучше заранее подготовиться. Так подумала Чу Чжичжи, неспешно устраниваясь на постели.

Вдруг ее взгляд зацепился за кусочек белого в щели между кроватью и стеной. Она ухватила за край, и в руках оказалась пожелтевшая полоска бумаги в линейку. Края были неровными, словно ее второпях вырвали из тетради.

Чу Чжичжи перевернула листок: почерк был до ужаса небрежным, даже по этим каракулям можно было понять, в каком отчаянии и ужасе находился автор.

Нет! Закрытая дверь не поможет!! Они могут войти!!!

Следите за номером комнаты! Обязательно следите за номером комнаты!! Ни в коем случае не перепутайте...

Я осталась одна...

Нет, я ничего не знаю... Я спала, точно, я спала...

&%@#X/?=#@%Λ>! (большое пятно, текст не разобрать)

Я не знаю, увидит ли кто-нибудь эту записку, но это, возможно, последний след, который я оставлю. Надеюсь, это поможет тем, кто придет после.

Обязательно закрывайте дверь, хотя чаще всего это бесполезно, иногда может помочь. Вокруг иногда все меняется, обязательно смотрите, куда вы попали, ни в коем случае не ошибитесь, ни в коем случае! Если ошибетесь, будет ■■■■■■■■. После выключения света обязательно спите, если не можете уснуть — притворяйтесь, не открывайте глаза, не смотрите, не слушайте, запомните: вы ничего не знаете.

Если вы читаете эту записку, значит, меня, скорее всего, уже нет. Все, что я знала, здесь. Надеюсь, это вам поможет, незнакомец, желаю тебе выбраться.

Чу Чжичжи, глядя на записку, осторожно спрятала ее в подушку. Она украдкой покосилась на двух девушек внизу — интересно, получили ли они какие-нибудь подсказки?

В комнате наступила тишина, слышно было лишь, как скрипят ручки по бумаге.

Лежа в теплой постели, Чу Чжичжи чувствовала себя в безопасности. Она не особо переживала: идет только первый день игры, а у нее уже есть немало улик. К тому же она не одна, наверняка и у других есть успехи, при необходимости можно будет использовать это как разменную монету.

Размышляя так, она закрыла глаза. Возможно, из-за того, что днем она была слишком напряжена, она думала, что в первую ночь в этом мире будет дрожать от страха, но, расслабившись, быстро начала засыпать.

Она с трудом приоткрыла глаза, чтобы посмотреть на время: 9:40. Двое внизу все еще строчили, и она не удержалась от совета: Лучше допишите завтра утром, уже очень поздно.

Белая воротничок, не поднимая головы, ответила: Ничего, ничего, дай мне еще десять минут, сейчас закончу.

Чу Чжичжи больше ничего не сказала и послушно свернулась калачиком под одеялом. Слыша шорох бумаги и скрип ручек, она постепенно почувствовала, как веки тяжелеют, а сознание погружается в хаос.

...

Линь Чжи? Линь Чжи. В полусне Чу Чжичжи услышала намеренно приглушенный голос девушки: Мне немного страшно, ты не могла бы сходить со мной в туалет?

Она не сразу пришла в себя, сонно подумав: Кто такая Линь Чжи?

Ох, это же она сама. Она вспомнила: сегодня она попала в игру ужасов и ради безопасности взяла себе псевдоним Линь Чжи.

Подождите! Она мгновенно проснулась. Этот голос она слышала впервые, это точно не ее соседки! Холодный пот вмиг проступил на спине — днем они долго общались, и она могла поклясться, что это голос ни белой воротнички, ни Хэ Синь.

К тому же... на лбу Чу Чжичжи выступили капельки пота. Если она не ошибается, она задвинула засов изнутри, а правила общежития настолько строгие, что никто не мог так просто войти.

Она затаила дыхание. Девушка, стоящая перед ее кроватью и зовущая ее, — человек ли она? Или что это вообще такое?

Девушка, похоже, заметила странность Чу Чжичжи и снова заговорила, голос ее звучал глухо и холодно: Линь Чжи... ты ведь не спишь, правда? Не притворяйся, вставай и проводи меня.

Она внезапно вспомнила содержание записки. Чу Чжичжи взяла себя в руки, стараясь дышать ровнее, и притворилась спящей.

Она не открывала глаз, но чувствовала, что вокруг кроме тьмы. Должно быть, она проспала долго, в комнате давно погасили свет. Она зажмурилась, боясь пошевелиться.

Линь Чжи, я знаю, что ты не спишь. Притворяться бесполезно, открой глаза, посмотри на меня... — голос девушки был ледяным, с потусторонней ноткой.

Чу Чжичжи казалось, что в темноте все ее чувства обострились. Она слышала, как в голосе девушки звучит мрак, словно ветер, дующий с кладбища глубокой ночью. Что-то мягкое и холодное едва коснулось ее щеки — она не знала, волосы это или гниющие пальцы. Запах разложения и гнили ударил в нос, вокруг становилось все холоднее, тонкое летнее одеяло не спасало от мороза. Чу Чжичжи казалось, что она — труп, замороженный в морге.

Казалось, прошло много времени, а может, и нет — в темноте время стало самым расплывчатым понятием. Она не знала, который час, но чувствовала, как холод постепенно отступает, а теплый воздух комнаты замещает зловоние.

Вернулось? — подумала она.

Линь Чжи, что с тобой? Тебе нехорошо? — она услышала обеспокоенный голос Хэ Синь.

Чу Чжичжи не ответила. Она инстинктивно чувствовала, что что-то не так.

Сестренка Линь Чжи? Линь Чжи? Не пугай меня, отзовись, мне одной страшно, — она услышала тихие мольбы Хэ Синь. — Почему вы обе молчите? Как будто я здесь одна. Сестренка Линь Чжи, ты здесь? Мне так страшно.

У-у-у... — она услышала тихие всхлипы, доносившиеся со стороны Хэ Синь, как у брошенного ребенка, который даже плакать боится в полный голос.

Чу Чжичжи вздохнула про себя. Ей стало жаль девушку, она почти готова была открыть глаза, но внутри словно завывала сирена тревоги. Инстинктивное чувство опасности пригвоздило ее к кровати.

Казалось, прошла вечность, прежде чем плач стих. В комнате стало так тихо, что Чу Чжичжи слышала только стук собственного сердца. Она не удержалась от беспокойства, думая, можно ли открыть глаза и посмотреть.

Эх... — глубокий вздох раздался прямо перед ней, в нескольких сантиметрах.

Ужас взорвался в ее душе: все, что было до этого, — ложь! И вопросы Хэ Синь, и ее плач — все это было игрой монстра. Настоящая Хэ Синь неизвестно где, и она так и не выбралась из лап этого существа!

Чу Чжичжи застыла на кровати, боясь пошевелиться. Хотя температура воздуха пришла в норму, холод, исходящий из самой глубины души, был еще сильнее, чем тот мороз.

После этого вздоха в комнате больше не было ни звука, словно то, что бы это ни было, отступило.

Чу Чжичжи продолжала лежать, не двигаясь. Неизвестно сколько времени спустя она понемногу успокоилась, ворочаясь в постели, и снова уснула.

Проснулась она, когда уже рассвело. Летом светает рано, в шесть утра солнце уже ярко светило.

Чу Чжичжи потерла глаза и с удовольствием потянулась. Она давно так хорошо не спала — если не считать ночного кошмара, она проспала как младенец.

Она потянулась и вдруг заметила на стене сбоку небольшое пятнышко, похожее на грязный след. Она выбралась из-под одеяла, перегнулась через бортик кровати, чтобы рассмотреть получше, и в тот же миг ее прошиб холодный пот —

ТЫ! ДОЛЖНА! СДОХНУТЬ!!!

Четыре иероглифа были криво выцарапаны на стене у изголовья. Следы были неровными, разной глубины — казалось, их выскребали не острым предметом, а ногтями. А коричневые пятна, которые она видела, были вкраплены в эти слова. Чу Чжичжи закусила губу. Она прекрасно понимала, что это значит: когда скребешь стену слишком сильно, ногти ломаются, а кожа рвется. Эти коричневые пятна — засохшая кровь.

У нее мороз пошел по коже. Прошлой ночью это не было кошмаром! Пока она спала, нечто, похожее на человека, стояло у ее изголовья, с ненавистью глядя на нее, пытаясь заставить открыть глаза и выскребая своими кровоточащими пальцами проклятие на стене.

Ах~ как хорошо я выпалась, — раздался голос белой воротнички снизу. Она поднялась со стола и потянулась.

Ой? — она посмотрела на себя, потом на Хэ Синь рядом, и удивленно добавила: Мы что, вчера так поздно делали уроки? Прямо за столом и уснули. Время так быстро летит.

Говорящий не имел в виду ничего такого, но слушающий принял к сведению. Чу Чжичжи резко подняла голову и посмотрела на часы на стене, и ее снова бросило в пот.

6:15.

Она побледнела. Школьный звонок на подъем прозвенел только что, время не могло пролететь так быстро.

Их часы кто-то перевел.

<http://bllate.org/book/21405/2184141>